

Юван Шесталов

Сибирь — земля моя

Стихотворение в прозе из «Языческой поэмы»

Не остановишь на небе солнце. И оленя в быстром беге не остановишь. Миг короткий, миг ушедший не воротишь. А слово может поймать убегающее мгновение.

Но какой миг минувшей жизни заключен в слове «Сибирь»?

На какой глубине веков родился этот звук «Сибирь»?

Миг новой жизни, стань для людей вестью о древнем моем народе!

Миг живой жизни, стань для людей думой!

Миг живой жизни, ты, словно капля глубинной нефти, сверкаешь под лучами солнца!

О слово «Сибирь», я хочу расщепить, разделить тебя на лету на тяжелые вещества, чтобы узнать тайну моего народа!

Миг живой жизни!

О янтарная капля веков, я подожгу тебя вдохновением, и ты осветишь мои стихи.

* * *

...Земля моя! Твои олени щиплют сочный ягель, черные соболи резвятся на ветвях, мудрецами древними глядят на мир кедры, реки полноводные играют серебряными струями, юркие рыбы в них пляшут, а в синем небе белый-белый лебедь трубит.

Земля моя! Сибирь я тебя зову сегодня. И это древнее имя по-новому звучит.

Сибирь... Это свет и будущее!

Это сияющая нельма, плывущая на нерест.

Это пестрый рябчик, висящий на сосне.

Буровая вышка с радужным фонтаном нефти.

Горящий факел газа во тьме полярной ночи. Сибирь... Ты олень железный, мчащийся по дороге железной.

Ты корабль, улетающий в небо.

Сибирь... Новая моя сказка, которую я расскажу, когда заря зажжется и на проснувшихся травах заблестит роса.

В полночь люблюсь на звездный зенит. Лебедь мансийский на струнах звенит. Дедов легенда — торжественный звон. Сказку рождает для новых времен.

А какая сказка самая волшебная в мире? Земля, где качалась колыбель. Голос мамы, который ты услышишь в шелесте трав. Детство, которое не повторится...

Юван Шесталов

Идол

Отрывок из «Языческой поэмы»

—Земля моя! Какая у тебя песня? Тайная моя! Какая у тебя сказка?

—Песня моя — нефть. Сказка моя — газ. Загадка моя — это я сама, — ответила тайга, не замечая над собой ярких сполохов северного сияния.

Я не стал больше спрашивать, ведь шла вторая половина сложного двадцатого века. Люди были героями, покорителями природы и космоса. Я решил пойти и послушать... Ледяная земля проснулась от вековой спячки. Она разгоряченно дышала, снимая с себя шубу из дремучей тайги, опоясываясь стальными нитями дорог и трубопроводов. Она гудела под железными копытами нового кочевья. С радостью наряжалась в ожерелья городов, сияя счастливыми глазами новых огней... А герои шли, шли, шли... И я был вместе с ними. Я тоже был героем. И мои уши глохли от железного рокота: не все я мог услышать. И мои глаза слепли от яркого сияния огней: не все я мог увидеть. И я летал на стальных птицах, обгоняя время, не чувствуя движения Земли...

Притча о родной и неродной крови

Отрывок из легенды

На пустынном перекрестке трех безымянных дорог Хаку-путнику встретилась женщина, о каких говорят — писаная красавица. Но что-то тревожно-странное во взоре у нее отметил Хак. Глаза у женщины светились разными цветами, будто были они списаны с двух разных портретов кисти двух разных по мастерству художников. Неподалеку Хак увидел сидящих на камнях двух ее детей. Это были мальчик с головой цвета спелой ржи и девочка с волосами черными как смоль. Только вознамерился Хак заговорить с ними, его упредила женщина. Метнула взглядом куда-то вдаль и сказала:

— Умоляю тебя, добрый молодец, скройся за каким-нибудь камнем и понаблюдай, не обнаруживая себя, тогда и получишь объяснение всему.

И только сказала она это, Хак приметил в стороне, куда женщина взглядывала, пыль дорожную, поднимающуюся все ближе и выше. Хак спрятался за большой голый камень и стал невольным свидетелем немой для него сцены.

Пегая лошадь с богато разукрашенной белой каретой примчала светлоголового мужчину. Едва остановив лошадь, он соскочил и упал к ногам женщины, затем встал, поцеловал ее, обнял златоглавого мальчика и, показав рукой, предложил поехать с ним туда, откуда он примчался только что.

Печально взглянула на дочь и качнула головой женщины. И понял Хак, что с этим мужчиной она ни за что не уедет.

Светлоголовый красавец забегал между ними, страстно говорил, доказывая что-то, темпераментно размахивал руками. Но женщина была непреклонна. Разгневался мужчина и в сердцах вскочил в карету, стеганул лошадь так, что было однозначно — он покидает троицу навсегда.

Не успел и остыть след, как на другой дороге показалась другая лошадь с тележкой, блестящей черным лаком, — побогаче первой. Вороная стремглав примчала черновоголового мужчину, по всему, горячей сердцем и статней телом. Он также, едва соскочив на землю, упал к ногам женщины, затем встал и прижал ее к груди, расцеловал черноголовую девочку и предложил любимым уехать с ним.

Твердо покачала головой женщина. И было понятно: как бы страстно ни убеждал чернобровый красавец, как бы ни клялся в своей любви к ним, она и с ним никуда не отправится.

Жалость проникла в сердце Хаку. Хотел было он подняться из-за камня, лишь только рассеялась пыль, ...тут же приметил, как... по бездорожью стал приближаться к ним третий мужчина, пеший. Он был непримечателен на вид, даже выглядел бледнее, но чем ближе, тем скорее становился его шаг навстречу ожидавшей троице. Вот ноги понесли его быстрее и быстрее. Он подбежал и, где сила таилась, вскинул на руки женщину, закружил с драгоценной, расцеловал ее, затем поднял обоих детей на два своих окрыленных плеча. И все четверо, озаренные счастливыми улыбками, отправились вперед, по третьей пыльной дороге, в будущую свою светлую даль...

Юрий Афанасьев

Две ели

Рассказ-быль

Тогда ночью, в глазастый июнь, от которого никуда не спрячешься, я увидел эту женщину.

Остановило меня любопытство. Она окрашивала штакетник голубой краской. Делала это не так, как делают нелюбимую работу — быстрее избавиться, а каждый мазок наносила кистью, не торопясь, осторожно, будто хотела растянуть время. Из-под цветастого ситцевого платка выбилась прядь седых волос. Это ее старило. Но удивительно черные глянцевые глаза с небольшой раскосиной омолаживали лицо. Женщина была в состоянии какой-то внутренней глубокой мысли, со своей тайной.

Поселок спал. Играло красными ресницами уставшее полутеплое солнце. Монотонный гул серой массы комариной круговерти и был той глубокой, душевной тишиной. Где-то упавшее со ржавого гвоздя ведро отозвалось гулом. Скрип двери запоздавшего хозяина — словно аккорд по расстроившимся нервам.

Не знаю, что нас сблизило: одиночество или ожидание утра, когда проснется поселок с рыбацким потом, мычанием коров и свежим уральским ветром, на котором с высоты пронзительно задрезбжит своим хвостом длинноносый кулик-бекас, деревянной шаманской трелью оповестит начатый день.

Владислав Крапивин

Далеко-далеко от моря

Отрывок из рассказа

Детство я провел в Тюмени. Тюмень тогда еще не славилась как столица нефтеносного края. Это был город с деревянными тротуарами на центральных улицах, довольно зеленый летом и тонувший в грязи осенью.

Наш дом номер пятьдесят девять стоял в самой середине улицы Герцена. Одноэтажная и немощеная, эта улица по тогдашним масштабам считалась очень длинной. Начиналась она у старого Текутьевского кладбища, которое синело вдали, как неведомый лес, а кончалась у Земляного моста через лог, недалеко от района Большое Городище.

По вечерам над крышами Городища и дальними тополями горели очень яркие закаты. Со стороны заката брели с пастбища коровы. Я каждый раз поражался, из какой дальней дали шагают эти невозмутимые Милки, Машки и Зорьки. Ведь за Земляным мостом, за Городищем, за таинственными башнями старинного монастыря были, говорят, еще кварталы, дороги, военный городок со стрельбищем, а уж потом начинались луга и рощицы. Сам я до семи лет не бывал ни в том, ни в другом конце улицы. И порой мне казалось, что на востоке, за страшновато-загадочным кладбищем, и на западе, за чернеющими на закате тополями, сразу начинаются неизведанные края. С заповедными лесами и непохожими на Тюмень городами. И с морем...

Константин Михайлов

Белый камень

Возле белого камня, где ход в небеса, Объявлялись нездешние, жгли бересту... Это верное дело — худые места. Не ходил бы ты, брат, за седьмую версту!

Был кузнец — молодец. Да не наша руда... Так и сгинул за ней. Умотал его бес. Говорят, на заре там видать города. А как солнце взойдет — все болота да лес.

От других услышал — сам судить не берусь, Вроде хочется верить, а страшно — ей-ей! Будто есть на земле Потаенная Русь. И зовет ихний царь к себе верных людей.

Чтоб по белым снегам да кровавую скань Разостлать не скупясь, когда время придет, Чтоб дружину вести на последнюю брань — Либо Русь —либо грязь! Поглядим, чья возьмет...

Борис Галязимов

Сузге

Главы из очерка

Жизни бег стремительнее полета крылатого коня Тул-пара. Не все, что осталось позади, заволокло пылью времени. Но и не все, что видится, надо принимать за истину. Расстояния порой воздвигают несуществующие замки и даже города. Скольких людей ввели они в заблуждение...

И все-таки...

...Еще в 1968 году в десяти километрах от Тобольска, почти у самого берега Ермаковой реки — Иртыша, возвышалась сопка. Крутые склоны, стремительно уносящиеся вершине. Остроконечные и прямые, как стрелы, пихты голяли тесно одна к другой.

Когда небо белело от жары, под кронами деревьев было «вежо и прохладно. В воздухе плавала липкая паутина. В высокой шелковистой траве стрекотала, копошилась мелкая живность. И с раннего утра до позднего вечера не мол кал здесь гомон птиц.

Зимой сопку обкладывало снегом. Когда на нее с раздольного Иртыша устраивали набеги ветры, пихты тревожно шумели. Звонко и протяжно пели мерзлые стволы. Все живое куда-то пряталось.

Вроде бы сопка как сопка. И в то же время казалось странным, что она поднялась среди ровного места. Походило на то, что однажды пришли сюда люди и для какой-то надобности насыпали этот огромный холм земли.

Бог весть в какие годы родилось предание, что на этом холме находилось жилище жены сибирского хана Кучума, черноокой красавицы Сузге. Потому, дескать, и сопку стали именовать Сузгунской. Но так ли было на самом деле? Может быть, все это лишь обыкновенная легенда, которых немало живет на берегах древнего Иртыша.

Лариса Беспалова

И дум высокое стремление.

Глава из книги

В августе 1836 года в Ишиме, уездном городе Тобольской губернии, был поселен поэт-декабрист Александр Иванович Одоевский. Молодой и пылкий корнет лейб-гвардии конного полка, князь из династии древних Рюриковичей явился активным участником восстания. Им руководили «не ребячество, а любовь к отечеству и стремление на развалинах деспотизма, самого дурного, самого пагубного для общества, построить благо России».

Согласно «Статейному списку о государственном преступнике Александре Одоевском» он был обвинен «в участвовании в умысле бунта, принятием в тайное общество одного члена и в личном действии в мятеже с пистолетом в руках».

Поэт-декабрист прибыл в Ишим после восьмилетних каторжных работ сначала в Читинском остроге, потом в Петровском заводе. Четыре года жил на поселении под Иркутском.

Отец поэта настойчиво хлопотал о переводе сына из Восточной Сибири в Западную, так как лелеял надежду навестить его. Еще в 1832 году старый князь посылал Х.Бенкендорфу просьбу о переводе сына в город Курган Тобольской губернии и писал: «Дважды посетив этот юрод, где командовал моим бывшим драгунским полком, ! хорошо знаю это место...» Однако его хлопоты долго были безуспешны. Наконец, с большим трудом, через влиятельных родственников, он добился перевода сына в Западную Сибирь. Генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б.Броневский писал в секретном отношении из Иркутска 4 июля 1836 года генерал-губернатору Западной Сибири П.Д.Горчакову: «...Статс-секретарь Мордвинов в отношении своем от 27 мая текущего года уведомил меня, что государь император высочайше повелеть соизволил поселенного в Иркутской губернии государственного преступника Одоевского перевести Тобольской губернии в город Ишим. Препровождая при сем помянутого преступника за надлежащим надзором и прилагая статейный об нем список для зависящего от Вас распоряжения о водворении его, я покорнейше прошу Ваше сиятельство, по прибытии Одоевского в Тобольск, приказать кому следует снабдить в приеме его провожатого распискою и потом последнего отправить обратно в Иркутск. О прибытии упомянутого преступника я буду иметь честь ожидать Вашего уведомления».

Александр Гришин

* * *

Не береги поэтов, Русь! Возьми их без остатка. Что? Жалуются?

Ну и пусть. Пусть будет им несладко.

Прости слепцов, глупцов прости, писателей куплетов — но им грехи не отпусти... Не береги поэтов!

Не дай им жить с тобой шутя, светло и одиноко. Будь беспощадна, как дитя, будь, как дитя, жестока...

Анатолий Васильев

С надеждою быть России полезным...

Отрывки из повести

...Княгиня Трубецкая касается рукою колен жены Кюхельбекера, смотрит в глаза.

— Как плох Вильгельм Карлович, — называет она трудное имя мужа. — Давно ли таково здоровье нашего Кюхли?

Добра княгиня, да кухарки по одной досточке ходят, конюха солдатами тянутся; хозяйство не менее разгильдеевского, а повсюду будто новой метлою метено.

— Анишь жаль его, — отвечает, боясь оплошки. — Надьсь ехали из Акши, Сибирское море переплывали. Н метел ветер, лодку вверх-вниз, думали: конец нам, но к какой-то земле прибило. Всю ночь на ней с детьми мерз-1 и. Карлуша перезяб. С той поры кхы да кхы. И глаза повредились. Надьсь затуманилось у него все, схватил за руку: «Слепну я, Дронюшка!» Так жалко его, княгинюш-ка, просто взятие тела идет, глубоко на душе садится. — Ни с того ни с сего разревелась. — А детей кормить-одевать надо. Не та счастливая, что у батьки, а та, что у мужа. Самого его кормить-одевать... Для вас, не знаю с чего, он Кюхля, для меня — Кахля...

Баргузинская Аннушка, Анна Михайловна, в прошло-годничных днях не слезавшая с ее колен, растопыривает глаза, прячется за Катерину Ивановну — не узнает.

«Какая мрачная участь! Муж недоступен ее пониманию и, наверное, понять ее не старается. А что случись с ним—детей у нее отнимут, увезут в Россию. Останется одна, — думает Катерина Ивановна. — И ради чего влачила жалкое существование?! Но сердце в доброте хранит. Милый Кюхля — это воспоминания молодости, мы смотрим глазами той поры, а его, прежнего, нет, он действительно Кахля. Дросида Ивановна оттого нашла точное слово, что за него страдает».

Жаль ее княгине, но и его жаль: кто ему эта женщина?

Дронюшка говорит:

— Беспokoюсь за мужа. Как сказать следно, чтобы на уме не осело навсегда, будто жизнь не для него?!

* * *

Звездные миры летят над землею, метет январь, гудит ветер в печных трубах, свистит в голых ветвях деревьев, вьет снежные венки над могилами троих детей Трубецких.

По лавкам в банях, людской, на конюших нарах посапывают в приюченное и тепле блаженные, калечные, сырые, много их находит пристанище в этом доме — сердце хозяев исполнено милосердия, доброты.

Засыпают под свист метели столицы.

В затерянном мире, в сибирском селе Оёке, при свете сидят отверженные, в единоправной самонадеянности заживо похороненные в глуши, но живущие отнюдь бесцельною жизнью.

— Мы сделались едиными здесь, жаль, что не всегда !! И таковыми там, — Сергей Петрович указывает на за-

II, — где нашим объединяющим началом была необходимость перемены государственного устройства. Мы были мшодушны в необходимости уничтожения рабства. Мы оголи, мы пламенно желали освобождения от него своего народа, но если б еще были едины в усилиях и сред-1 вах...

Восточная Сибирь, Забайкалье... Возмущенье умов слу-(ит к заселению необжитых пространств империи. Кон-'оГшыми тройками, телегами по этапу сюда доставляются «лптовщики. А за ними следуют жены, невесты...

* * *

...Тобольск вставал над крутояром, поднимался в чистое небо золочеными куполами кремля. «Над рекой Иртышом при устье реки Тобола, павшей в Иртыш против конца города». Окружностью на одиннадцать с половиною, в длину с севера на юг на три версты четыреста пятьдесят сажен.

От престольных Санкт-Петербурга в 2885, Москвы — 2153 верстах.

Никольским взвозом протащили сани лошадки. На-горною частью простучали копытами по обледенелым тесаным бревнам, выстилающим улицы, остановились у дома Фонвизиных.

Его ожидали: работники под уздцы ввели лошадей во двор, под руки каждого подняли из розвальней, разобрали поклажу.

Сердце его колотилось.

Михаил Александрович Фонвизин принял его в объятья, замешкавшиеся руки Фонвизиной обвили шею.

Слепой, неуверенно тыкающийся, он невпопад размахивал руками — нескладная старая птица:

— Это я, это мое семейство, это мой скарб. И вытирал рукою слезы.

— Мы счастливы видеть вас вновь, Вильгельм Карлович! А здоровье — дело поправимое. Наш дом — ваш дом.

Наталья Дмитриевна Фонвизина — двоюродная сестра жены тобольского генерал-губернатора, вершащего судьбы людские. Кюхельбекеру, разбитому, больному, совестно перед нею, прекрасной, как прежде, будто и нет ей сорока лет, восемнадцать из которых прошла она дорогами своего ссыльнокаторжного генерала мужа.

Во мненье многих она у Александра Великого — Татьяна Ларина, хоть их пути никогда и не пересекались: он, Кюхельбекер, — Ленский. Грибоедовский Чацкий — Якуш-кин. «Евгений Онегин» и «Горе от ума» — на поселении в Сибири... Наталья Дмитриевна, Наталья Дмитриевна! Годы испытаний не коснулись ее души, как не касаются века Ипокрены, священного источника, откуда черпают вдохновенье поэты. По старой привычке она подписывает свои письма Татьяной, и у нее на это есть право. А в нем ничего уже не осталось от Ленского...

* * *

...Тобольск дышит историей. Русь, поднимаясь, становилась Россией. Ее люди шли на восток и на запад, на север и на юг... Сибирский приказ указною грамотою повелевает вместо деревянного острога на мысу у владенья Тобола в Иртыш поставить город...

И вот они бродят по городу, каменному более, чем прочие города Сибири.

В каменном городе проходят мимо деревянного дома, приземистого, неказистого. Обыватель Тобольска украшает жилище резными карнизами, коньками на гребнях крыш, кокошниками узорчатых наличников. Этот же дом похож на казарму.

— Здесь обитает еще один горькой судьбы человек: Петр Павлович Ершов. Мы все его уважаем, но что мы — его «Конька-Горбунка» благословил Пушкин. «Город бедный, город скушный — проза жизни и души, как томительно, как душно в этой мертвенной глуши», — пишет Ершов, и он прав. Извините прямолинейность — только мы тут и оживляем жизнь. — Глаза потемнели, будто она опустила вуальку. — Только мы и оживляем...

Молчание. Неспешный шаг.

— Такой удел: блестящий взлет — и прозябанье в глуши. — Он сказал и подумал, что сказал о себе. Прочел свое: — «Горька судьба поэтов всех племен; тяжеле всех судьба казнит Россию».

* * *

Юрий Надточий

Пробуждение

Отрывки из документальной повести

...25 марта 1793 года в семье отставного офицера Степана Батенькова родился двадцатый по счету ребенок.

Священник нарек младенца Гавриилом. Шестидесятилетний отец семейства Степан Батеньков, приняв от священника сына, переименовал имя наследника на привычное — Гаврила.

Отставной офицер был прост и дворянство свое заслужил кровью в Семилетней войне, в сражениях против войск прусского короля Фридриха II.

Проста была и мать младенца, которую Степан Батеньков взял в жены из семьи тобольских мещан Урван-цевых. И уж совсем простой казалась вся остальная тобольская родня, собравшаяся при крещении ребенка. Купеческие приказчики, солдатские вдовы, типографский рабочий, священник.

Впрочем, священник Иосиф Гиганов отличался образованностью, славился в городе как знаток арабского и татарского языков, преподавал в народном училище. Его Гаврила Степанович Батеньков называл впоследствии в своих воспоминаниях дядей.

Кончался восемнадцатый век, который еще долго старые тоболяки называли «золотым веком» Тобольска.

Мальчик в семье небогатого провинциального офицера родился на самом закате этого века.

...А мальчик в семье отставного офицера растет. Мальчик растет, и, как каждому мальчику, ему хочется совершить подвиг.

Пока же дядя мальчика отводит его учиться в военно-сиротскую школу. Отставной офицер Степан Батеньков умер. Дядя беспокоится о будущем племянника.

В школе учат игре на флейте, барабанному бою, маршированию в колонне. Еще арифметике и геометрии. Арифметику и геометрию преподает любимый учитель Иван Павлович Менделеев. С дядей можно заниматься русской словесностью, брать у него сочинения Державина, Дмитриева, Богдановича.

Дядя радуется любознательности племянника, рассказывает о Ермаке, о его коротком правлении Сибирью. Об основателе родного города — незнатном человеке, письменном голове Даниле Чулкове.

Но самыми интересными оказываются занятия географией. Мальчик представляет, пока еще только по карте, нею Сибирь, Россию. Жадно рассматривает границы иных государств, названия европейских столиц. В Европе так много кружков городов, между городами намечались точечные пункты дорог. Дядя тоже смотрел на карту, говорил:

— Многие из этих дорог тебе придется пройти. Ради славы Отечества, к границам которого уже приблизился Бонапарт.

* * *

Из затерянных черноземных степных имений, уездных городков по проселочным дорогам, разбитым бесконечным трактам, со всех сторон огромной империи съезжались в Петербург отпрыски не слишком знатных дворянских фамилий в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет для поступления в созданный государем императором при инженерно-артиллерийском втором кадетском корпусе Дворянский полк.

21 мая 1812 года кадеты впервые надели офицерские погоны. Молодые офицеры принимали присягу на служение царю и Отечеству. Объединенные армии Наполеона стягивались к Неману.

11 июня, менее чем за два часа, понтонеры генерала Эбле навели через Неман три моста. 12 июня Великая армия начала переправу.

14 июня на земле Отечества уже около четырехсот тысяч неприятельского войска, при тысяче орудий. Значит, погоны надеты вовремя. Прощай, отрочество, что впереди?

«Деятельность ума и тела, умеренность и простота в пище, единодушие в товариществе — вот главные рычаги на подъем и перенесение житейских тяжестей, — к этому с детства приучались офицеры из кадет», — напишет декабрист Розен.

Впереди Отечественная война, польские проселки, немецкие дороги, французские шоссе, парижские площади...

...Как тяжело томиться, ждать дела, когда неприятель наступает, а новости неясны и тревожны.

Корпус генерал-лейтенанта Сакена, в котором в 13-й артиллерийской бригаде служит прапорщик Батеньков, находится в резерве.

Дорога уходит все дальше от начала пути, от Сибири, и вот первое письмо на родину, в Тобольск. Старинному приятелю Петру Афанасьевичу Меркушеву. 1813 год.

«После томительного ожидания в резерве, пока доблестные соотечественники изгоняли Бонапарта из России, корпус генерала Сакена, в котором я служу, участвовал в освобождении Варшавы и Кракова, прошел Силезию, 7 августа я был ранен в плечо в схватке при городе Кренбау; во время же вылазки неприятеля из крепостей Виттенберга и Магдебурга посчастливилось спасти от захвата врагами артиллерийские снаряды, причем и сам чуть с этими же снарядами не угодил в чужие руки, но бог миловал, за что и получил чин подпоручика. Таким образом, могу сказать, что прошел землю с одного конца на другой. Да и без преувеличения от Иртыша до Рейна нешуточное расстояние...»

Из письма Алексею Андреевичу Елагину. Тобольск, 1 декабря 1816 года.

«Я оставил военную службу и ношу теперь звание поручика в корпусе инженеров путей сообщения. Экзамен в Петербурге, мною выдержанный, сделал меня известным всему верховному начальству по сей службе, честолюбие и надежда заставляют ее продолжать...»

* * *